

УДК 911.3

А. С. ПЕРЕПЕЧКО

КОНЦЕПЦИЯ РЕГИОНАЛИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

Процесс территориальной социализации, региональные политические субкультуры и секционизм в голосовании часто объявляются западными политико-географами причинами, оказывающими основное воздействие на географию влияния партий. В основе этих политико-географических проявлений политической социализации и политической культуры лежит регионализм, определяемый в советской литературе как сходство социальных стереотипов и установок относительно важности ключевых социально-политических проблем, специфические сочетания интересов в этой области, реализуемых правящими кругами путем формирования массового регионального самосознания [1]. Такой подход западных политико-географов на практике приводит к приуменьшению определяющего в конечном итоге воздействия особенностей экономического базиса и связанной с ним социально-классовой структуры избирательного корпуса на географию влияния партий.

В политической географии на Западе понятие «территориальная социализация» связывается с процессами познания индивидуумом его «политического пространства» на различных этапах жизнедеятельности. Этот термин используется для обозначения процесса, посредством которого индивидуумы «обретают тождество с их политической территорией (государство, регион)» [2]. Среди факторов, влияющих на территориальную социализацию людей, называют общественный строй и форму правления, воспитательный процесс, образование, средства массовой информации. Лояльность к существующей общественной системе обеспечивается правящими партийно-политическими силами с помощью системы символов, действующих как информация, стимулирующая привязанность избирателя к государственной территории. Видный западный географ Ж. Готтман употребил слово «иконография» для обозначения системы символов, связанных с определенной «политической территорией» [3, 4]. Столица государства, национальный флаг и т. п. — символы, олицетворяющие пространственные связи между электоратом и правительством страны.

В широком смысле слова речь идет о «территориальной идеологии», выполняющей роль социального регулятора в обществе [5]. Территориальная социализация и иконографическая символика в электорально-географических работах западных ученых имеют выраженный идеологический контекст. Подчеркивается «привязанность» избирателей к государственной территории, к политико- и административно-территориальным единицам, историческим областям, в которых они живут, что способствует усилению позитивного отношения электората к существующей политической системе.

Территориальной социализации принадлежит важная роль в формировании политических предпочтений электората при помощи внедрения в сознание избирателей норм политической культуры. Политическая культура буржуазного общества внутренне неоднородна. С точки зрения марксизма, не существует политической культуры без классового характера, поскольку каждая модель политической культуры выполняет классовые функции. Это главный критерий выделения политических субкультур. Политические субкультуры могут быть приурочены также к отдельным регионам и отражать их специфику. Региональная политическая субкультура — зафиксированная в политическом сознании территориальных групп избирателей «память» либо о прошлых национальных различиях, размытых в ходе исторического развития, либо о длительных и глубоких различиях в социально-экономическом положении населения определенного региона, реализуемая в специфической модели электорального поведения.

Потери левыми партиями голосов избирателей с низкими доходами и «улавливание» этих голосов правыми партиями в период, предшествовавший глубоким изменениям в социальной структуре населения развитых капиталистических стран под влиянием структурно-пространственной перестройки и интернационализации капитала, ряд западных ученых [см. например, 6] связывают с тем фактом, что значительная часть этой категории избирателей проживала в экономически менее развитых регионах со слабо развитой промышленностью, низким динамизмом социальной структуры, незначительными миграционными потоками. Среди причин, влияющих на политические предпочтения избирателей в отсталых в экономическом и культурном отношениях районах, обычно называют следующие: 1) крайняя бедность, препятствующая эффективной организации наиболее обездоленных социальных слоев; 2) безграмотность и невежество, затрудняющие восприятие средств массовой информации, политических программ, формулирование требований; 3) исключительная зависимость от местной элиты; 4) статичность социальной структуры, сохраняющей черты докапиталистических отношений; 5) сильный клерикализм, способствующий сохранению статус-кво. Такие регионы выделяют в Италии (Юг), Норвегии (Запад) и некоторых других развитых капиталистических странах.

В западной электоральной географии широко известны исследования региональных политических субкультур США, проведенные американским географом Д. Элазаром [7—9]. Как считает Д. Элазар, политическая культура современного американского общества сложилась в результате трех различных миграционных потоков и представляет собой синтез трех региональных субкультур: «индивидуалиста», «моралиста» и «традиционалиста». Носители «культуры моралиста» — янки (американцы — жители Новой Англии). Впоследствии поселенцы из Новой Англии мигрировали в северные и северо-западные штаты, и «моралистическая» культура утвердилась в этих обширнейших районах. В «культуре моралиста» преобладает представление о том, что гражданин должен активно участвовать в общественной жизни, ориентироваться в своем поведении на общественно значимые цели, что человеческое общежитие следует строго регулировать по религиозным правилам. «Культура индивидуалиста» в ее наиболее характерных проявлениях присуща всем американцам, хотя и выделяются районы ее явного преобладания. В этих регионах превыше всего ставятся частные интересы, политика считается таким же бизнесом, как и любой другой. «Культура традиционалиста» опирается на традиции сословного сегрегированного общества времен рабовладения, где каждому сословию как бы предопределена своя социальная роль, причем элита считает политику только своей компетенцией.

Политическая культура современного американского общества представлена Д. Элазаром на карте в виде трех ареалов, в каждом из которых преобладает «культура моралиста», «индивидуалиста» или «тради-

ционалиста» (см. рисунок). Американский географ пытается вывести степень межпартийного соперничества на уровне штатов из типологии региональных политических субкультур. Наиболее очевидно такая связь прослеживается в тех штатах, где превалирует «культура традиционалиста» (здесь преобладает влияние демократической партии).

Региональные политические субкультуры и соперничество между партиями в США (1966):

1 — большинство избирателей голосовало за кандидата демократа, 2 — за кандидата республиканца, 3 — за кандидата демократа и республиканца голосовало примерно одинаковое число избирателей, Т — преобладание «субкультуры традиционалиста», М — «моралиста», И — «индивидуалиста». Строчная буква указывает на второстепенную субкультуру в штате

Благодаря историзму, богатому эмпирическому материалу, опоре на скрупулезные статистические изыскания в исследованиях Д. Элазаром региональных политических субкультур США немало верно подмеченных черт подоплеку политической жизни страны, которые тщательно учитываются в практике предвыборной борьбы [10, 11]. Кандидаты в президенты США гибко перестраивают тон своих речей, переезжая в ходе предвыборной кампании из района в район. Встречаясь с избирателями штатов, где преобладает «культура моралиста», ставят акцент на проблемах, связанных с удовлетворением ряда нужд населения: строительство новых школ, расширение самоуправления, активизация деятельности женских организаций. В штатах, где сильна «культура индивидуалиста», кандидат в президенты делает упор в своих выступлениях на расширение частной инициативы, в районах преобладания «культуры традиционалиста» особое внимание уделяет установлению личных контактов с местной элитой, лидерами кланов, апеллирует к шовинизму обывателя.

Положительные стороны электорально-географических работ, где изучаются пространственные корреляции между региональными политическими субкультурами и географией влияния партий, сильно обесцениваются по ряду причин. Как правило, отрицается классовый характер политической культуры буржуазного общества. Регионализму в политической культуре придается значение, превалирующее над всеми остальными ее характеристиками [12]. Это приводит к абсолютизации региональных политических субкультур как фактора, определяющего географию влияния партий, к недооценке динамики партийно-политической борьбы, к затуханию механизма соперничества за власть между различными региональными группами монополистической буржуазии. В результате региональная политическая субкультура превращается в средство манипулирования политическими предпочтениями электората, «заземления» политической борьбы, интернациональные классовые ин-

тересы подменяются мнимыми «общими» региональными. Кроме того, воздействие региональных политических субкультур на географию влияния партий имеет тенденцию сокращаться, социально-экономических — возрастать.

Главным фактором устойчивых отклонений электорального поведения значительных территориальных групп избирателей от общенациональной модели политических предпочтений ряд западных географов называет субкультуры национальных меньшинств. Отличие этих субкультур от политической культуры общества в целом действительно возрастает тогда, когда соответствующее меньшинство подвергается дискриминации и в национальном, и в социальном отношении. В таких случаях субкультура национального меньшинства выступает на выборах как секционизм в голосовании. Секционизм в голосовании проявляется в стабильно высокой доле голосов компактно проживающего дискриминируемого меньшинства за кандидатов регионалистской, автономистской или сепаратистской партии. Он зачастую не зависит от официального политико- или административно-территориального деления страны, но тесно связан с ареалом проживания этнического, религиозного или культурного меньшинства, интересы которого существенно отличаются от таковых составляющей в государстве большинство нации. Политически такие меньшинства не полностью интегрированы в общенациональную политическую систему, что порождает условия для образования автономистской или сепаратистской партии: секционизм способен перерасти в национализм [13, 14].

На выборах в региональные советы в Шотландии в мае 1986 г. за Шотландскую национальную партию (ШНП) проголосовало 18 % принявших участие в голосовании * [15, 16]. В результате ШНП стала второй по влиянию партией в Шотландии. Опрос общественного мнения показал, что 34 % избирателей, принявших участие в выборах, поддерживали главную цель ШНП — требование политической независимости для Шотландии — и 46 % высказывались за законодательный орган, наделенный большими полномочиями принимать решения в экономической области. Секционизм в голосовании за ШНП отражает автономистские и сепаратистские настроения значительной части шотландских избирателей, особенно сельских, усилившиеся в последнее время в связи с требованиями справедливого раздела рентах отчислений за пользование ресурсами континентального шельфа (имеются в виду разработки нефти и газа). Отчисления государству поступают в казну Великобритании, в то время как Шотландия, за исключением «нефтяных центров», в первую очередь Абердина, остается социально обделяемым районом.

Исследования западных географов по изучению секционизма в голосовании чаще всего сугубо прагматичны по своим целям. Они выполняют социальный заказ правящих кругов тех капиталистических государств, где этноконфессиональные меньшинства, проживающие компактно, в приграничных районах, подвергаются притеснениям со стороны центральных властей. Показатели секционизма в голосовании являются важным индикатором центробежных тенденций населения периферийных районов страны.

Игнорируется, как правило, тот факт, что субкультура национального меньшинства, проявляющаяся на выборах как секционизм в голосовании, всегда в концентрированной форме выражает классовые интересы. Те её аспекты, в которых выражаются взгляды исторически отживших классов, играют реакционную роль. И напротив, связанные с идеологией передовых классов, являются прогрессивными. Субкультуры национальных меньшинств существенно корректируют расстановку партийно-политических сил: в одних случаях как исторический тормоз, в других — как мощный ускоритель. Без классового подхода к субкультуре националь-

---

* За пределами Шотландии ШНП фактически не имеет влияния.

ного меньшинства исследования секционизма в голосовании значительно обесцениваются.

Подходы западных географов к изучению воздействия территориальной социализации, региональных политических субкультур, секционизма в голосовании на географию влияния партий служат упрочению буржуазно-парламентарных режимов в капиталистических государствах. Выводы таких электорально-географических исследований используются правящими партиями в пропагандистских целях для усиления своего влияния в представительных учреждениях.

Список литературы

1. Колосов В. А. Политическая география: Проблемы и методы. Л., 1988. С. 143.
2. Muir R., Paddison R. Politics, geography and behaviour. London, 1981. P. 38.
3. Gottmann J. // World Politics. 1951. V. III. № 2. P. 153.
4. Gottmann J. La politique des Etats et leur geographie. Paris, 1952. P. 157.
5. Claval P. // Political geography: Recent advances and future directions. London, 1984. P. 8.
6. Lipset S. M. L'homme et la politique. Paris, 1970. P. 273.
7. Eliazar D. J. American federalism: A view from the states. New York, 1966. P. 250.
8. Eliazar D. J. // The ecology of American political culture: Readings. New York, 1975. P. 13.
9. Patterson S. C. Ibid. P. 51.
10. Очерки об американских штатах. Введение // США: экономика, политика, идеология. 1987. № 2. С. 113.
11. Смирнягин Л. В. // Проблемы американистики. М., 1983. Вып. 2. С. 250.
12. Перепечко А. С. // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 2: Хим. Биол. Геогр. 1986. № 3. С. 70.
13. Lipset S. M. Political man: The social bases of politics. Baltimore, 1981. P. 231.
14. Seiler D.-L. Les partis autonomistes. Paris, 1982.
15. Scottish nationalists // The Economist. 1986. V. 299. № 7448. P. 22.
16. Small earthquake in the towns halls. Ibid. № 7446. P. 33.

УДК 338 : 91(С)

И. В. ЗАГОРЕЦ

ПРОБЛЕМЫ МАЛЫХ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Научно-технический прогресс вызвал коренные преобразования всех составляющих производительных сил общества: средств и предметов труда, рабочей силы. Повышение конкурентоспособности мелких, передовых в техническом отношении предприятий благодаря их большей мобильности и высокому уровню специализации в наиболее развитых странах привело к децентрации производства в ряде отраслей экономики. Одновременно в мире обострились экологические проблемы, особенно в крупнейших городах и промышленных центрах. В результате, начиная с 70-х годов, во многих странах наметился процесс децентрализации, т. е. более равномерного распределения населения по территории. Так, в США население сельских районов и небольших городов увеличивалось гораздо быстрее, чем метрополитенских территорий: на 15,8 и 9,8 соответственно [1]. С 1961 по 1987 г. население Большого Лондона (столицы с ближайшими пригородами) уменьшилось на 1,23 млн чел., или на 15 % [2]. Одновременно в Великобритании наблюдался быстрый рост занятости в мелких городах при значительном ее сокращении в крупных [3]. Подобные тенденции наблюдаются во Франции [4], Японии [5] и ряде социалистических стран, в первую очередь ЧССР, ГДР, ВНР [6].

В нашей стране, где малые городские поселения составляют подавляющее большинство, назрела необходимость их преимущественного развития при сдерживании роста крупных. За последние пятилетки в малых были построены новые предприятия, создана сеть филиалов. Из намеченных в БССР к новому строительству 65 предприятий 52 будут размещены в малых городских поселениях. Это позволит поднять их эконо-